

DOI: 10.25629/НС.2026.07.04

УДК: 94(253)"1917/1941"

БАК: 5.6.1. Отечественная история

Янушевич Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, ORCID: 0000-0002-5262-5120, yanush@bsu.by

«Антигосударственная деятельность» Православной церкви в структуре антирелигиозной пропаганды 1917-1941 гг. (на материалах БССР)

Аннотация

В статье проводится анализ материалов направленных на предотвращение угроз национальной безопасности советского государства в гуманитарной сфере. Установлено, что формулирование критических рисков со стороны религии и церкви процессу социалистического строительства являлось значимой частью антирелигиозной пропаганды. Важное место отводилось демонстрации роли религиозных организаций в царской России и современном буржуазном обществе. Советское руководство выстраивало свою внутри- и внешнеполитическую деятельность в условиях враждебности капиталистических государств. Определено, что теоретические установки марксизма-ленинизма и антивеликорусская позиция многих большевистских лидеров формулировали задачу борьбы с традиционными религиозными организациями как неизбежную и победоносную. Предпосылок массового принятия данной точки зрения в стране не имелось. Исключение составляли профессиональные работники идеологической вертикали. «Контрреволюционность» Русской православной церкви (РПЦ) логично вписывалась в концепцию обострения классовой борьбы с точки зрения официальной пропаганды. В рамках подобных обвинений сторонниками «контрреволюционной» организации становились и миллионы активно участвующих в социалистическом строительстве советских граждан. Атеистическое перевоспитание населения подменялось антирелигиозным аппаратом формированием «идеологически правильного поведения» верующего человека. Вера в Бога, совершение религиозных таинств, попытки сохранить возможность традиционного исповедания своей религии искусственно увязывались с потенциальной антигосударственной позицией гражданина. События Великой Отечественной войны указали на ошибочность определения гражданской позиции советского человека его отношением к материализму.

Ключевые слова

Русская православная церковь, антирелигиозная пропаганда, контрреволюционная деятельность, коммунистическая партия

Yanushevich I.I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belarusian State University, ORCID: 0000-0002-5262-5120, yanush@bsu.by

«The Anti-State Activities» of the Orthodox Church in the Structure of Anti-Religious Propaganda in 1917-1941 (Based on the Materials of the BSSR)

Abstract

The article analyzes materials aimed at preventing threats to the national security of the Soviet state in the humanitarian sphere. It has been established that the formulation of threats from religion and the church to the process of socialist construction was an important component of anti-religious propaganda. An important aspect was the demonstration of the role of religious organizations in Tsarist Russia and modern bourgeois society. The Soviet leadership conducted its domestic and foreign policy activities in the context of hostility from capitalist states. It has been determined that the theoretical principles of Marxism-Leninism and the anti-Russian stance of many Bolshevik leaders led to the perception of the struggle against traditional religious organizations as inevitable and victorious. There were no prerequisites for the mass adoption of this point of view in the country. The only exceptions were the professional employees of the ideological vertical. The "counter-revolutionary" nature of the Russian Orthodox Church (ROC) was logically consistent with the official propaganda's concept of intensifying the class struggle. As part of such accusations, millions of Soviet citizens who actively participated in the socialist construction became supporters of the "counter-revolutionary" organization. The atheistic re-education of the population was replaced by the anti-religious apparatus, which formed the "ideologically correct behavior" of a believer. The belief in God, the performance of religious sacraments, and attempts to preserve the possibility of traditional religious practice were artificially linked to the potential anti-state stance of a citizen. The events of the Great Patriotic War revealed the error in defining the civic stance of a Soviet citizen based on their attitude towards materialism.

Keywords

Russian Orthodox Church, anti-religious propaganda, counter-revolutionary activities, Communist Party

Введение

Взаимоотношения государства и религиозных организаций советского периода выстраивались с позиций марксизма. Предложенные массам теоретические разработки предполагали возможность построения коммунистического общества. Одним из условий достижения данной цели было формирование человека новой формации, убежденного марксиста-атеиста. Осуществление данной задачи партия большевиков начала реализовывать практически сразу после захвата власти. Обоснование логичности и целесообразности ликвидации религиозных верований требовали своего постоянного информационного сопровождения. Это осуществлялось во весь советский период. Научно-популярные труды в 1919-1941 гг. выходили за авторством видных политических и государственных деятелей [1; 2; 3; 4; 5]. Данные работы имели ярко выраженный антирелигиозный характер и являлись частью идеологической работы компартии. Доступ к засекреченным архивным документам после 1991 г. позволил исследователям более объективно посмотреть на процесс организации атеистического воспитания населения [6; 7; 8;

9]. Однако вопрос содержательного наполнения антирелигиозных материалов для повседневного использования идеологическим аппаратом еще не нашел своего должного отражения в научных трудах.

Источниковая база

Источниковую базу составили материалы Государственного архива общественных объединений Гомельской области, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Национального архива Республики Беларусь. Значительная часть фактического материала взята из опубликованных сборников документов.

Результаты и их обсуждение

Государственный переворот в Петрограде 25 октября 1917 г. положил начало революционным преобразованиям в Российской империи и стал одним из важнейших событий XX столетия. Большевики предложили к реализации программу решающую большинство злободневных вопросов населения. Идея построения бесклассового общества, ликвидации эксплуатации человека человеком, ставка на интенсивное развитие экономики сплотила относительно небольшую, но заряженную на успех группу людей. Большевикам удалось эффективно обойти в борьбе за власть все иные политические силы. Информационно-пропагандистская работа партии обеспечивала ей успех в экстремальных условиях. При переходе к государственному строительству теоретические выкладки и яркие популистские лозунги не могли быть применимы в предыдущих объемах. Предстояла работа с миллионами граждан, не являющихся ни сторонниками экстремальных преобразований, ни адептами марксизма. Одним из самых спорных пунктов программы большевиков была задача атеизации населения. К моменту построения коммунизма религия должна была отмереть. Как это возможно было осуществить на практике ни теоретики, ни обладающие властными полномочиями официальные лица Советской России не представляли. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин предполагали длительный переходный период, связанный в первую очередь с народнохозяйственными преобразованиями. В. И. Ленин уже как руководитель государства должен был обеспечить политическую безопасность своего режима. Для этого большевикам предстояло выстроить эффективную модель информационно-пропагандистской работы, главной задачей которой было формирование советского человека-безбожника [8, с.86]. Религиозные организации, духовенство, церковно-приходской актив представляли для идеологического аппарата серьезную опасность и для их нейтрализации требовались специальные потоки информации.

Обеспечение безопасности от внешних угроз для молодого советского государства было задачей чрезвычайной важности и сложности. Некоторые зарубежные правительственные и различные бизнес структуры имели в России свой интерес и не отказывались от него и после 1917 г. С учётом социалистических преобразований и антибуржуазной ориентации страна становилась важным политическим и идеологическим противником всего капиталистического мира. Внутри государства имелись лица готовые к различным антисоветским действиям. За рубежом оказалось более миллиона граждан Российской империи, имевших тесные, в том числе родственные отношения с гражданами Советской России и СССР. Для многих из них смена политического курса на родине являлась смыслом жизни. Религиозные организации попадали под подозрение в первую очередь в силу нахождения за границей их духовных центров, единоверцев и единомышленников. В рядах высшего политического руководства страны Советов имелись лица, в планах которых сильная и процветающая Россия не значилась. Патриотическая позиция граждан, а тем более структур, обозначавших любовь к Отчизне, великой России как высшую нравственную ценность, была для них опаснее антибольшевизма [10, с. 13-14; 11, л. 47].

Способ получения власти, формы и методы ее удержания, внутри- и внешнеполитическая ситуация требовали от большевиков шагов по пресечению любых претензий на право принятия как важнейших политических решений, так и любых властных действий. В этом контексте принципиально значимым стало обоснование и демонстрация опасности и вредности религии как опоры прежнего режима и буржуазного мира в целом. Религия, религиозные организации и клир, безусловно, являлись составной частью политических систем государств, которым социал-демократия, марксизм были враждебны и по мировоззренческим основаниям, и по чисто идеологическим [1, с. 42]. В тоже время, РПЦ как составная часть бюрократии царизма, накануне и в годы Первой мировой войны отдаляла от себя людей не принимая участие в решении многих социальных проблем. РПЦ являлась частью государственного, в том числе административно-надзорного аппарата. Многие ее действия были направлены на пресечение распространения социал-демократической идеологии и подавление любого сопротивления царизму [12, с. 5]. Государственному контролю подвергалась вся внутрицерковная жизнь. Многие пороки высших слоев общества были характерны и для священнослужителей. Подобная степень близости с официальными структурами стала максимально компрометирующей после октября 1917 г. В тоже время не имелось и фактов решительных действий Церкви по сохранению монархии в феврале-марте 1917 г. К началу 1920-х гг. «буржуазное» прошлое РПЦ не являлось эффективным антирелигиозным материалом. Царизм был ликвидирован, синодально-консисторская система разрушена на Поместном Соборе 1917-1918 гг. И епископ, и патриарх, и простой клирик стали гонимыми пастырями, многие приняли мученическую смерть. Храмы наполнялись верующими, в том числе и за счет ранее нигилистически настроенных граждан, что можно было рассматривать и как духовный поиск, и как политический выбор [13, с. 15].

Среди потенциально опасных лиц и структур РПЦ и ее клир представлялись большевикам наиболее очевидной и устойчивой угрозой. Статус Церкви в прежнем буржуазном российском обществе тесным образом связывался пропагандой с реставрационными настроениями граждан и ролью в этом процессе духовенства [14, л. 2]. Однако и православный клирик, если он только не был по собственным меркантильным или политическим соображениям заинтересован в социалистической власти, не мог сходу принять методы государственного строительства большевиков. Население, понимая и даже порой восхваляя социальные достижения революции, не воспринимало как должное выпады и давление на РПЦ, как на неминуемого врага Советской власти [15, л. 2]. Реставрационные настроения, ожидание смены власти или хотя бы агрессивного антирелигиозного курса были характерны для значительной части населения всех исповеданий, но резкая атака до середины 1920-х гг. шла именно на РПЦ [16, л. 32-33].

Завоевания Октябрьской революции после ноября 1917 г. объявлялись в Советской России важнейшим достижением прогрессивного человечества. Все противоречащее установкам большевистской партии мнения обозначались всеобъемлющим термином «контрреволюция». Он подразумевал под собой не только отрицательное действие и противодействие преобразованию государственного строя путем революции, но и любое несогласие с мероприятиями властей. И осознанное неприятие большевизма, и неосознанные навязанные военной ситуацией действия классифицировались пропагандой и обладающими полномочиями от новой власти лицами именно так. Религии и церкви, по задумке лидеров большевистской партии, при коммунизме не могло быть места в принципе. Вследствие чего, духовенство, опасаясь потери источника нетрудового дохода и статуса должно было встать на путь сопротивления заявленным преобразованиям. Исходя из этого служители культа, не снявшие сан, обозначались как сторонники «контрреволюционной» деятельности. Этот ярлык стал универсальным в период 1917-1920-х гг. Следует отметить, что не согласных с действиями партии большевиков было достаточно, тем более если это касалось бессистемных «богоборства» и «попоедства». И «белый» и «красный» терроры, гражданская и польская войны вынуждали многих клириков проявлять свою гражданскую позицию.

Пропагандистские штампы о реакционной роли РПЦ звучали весь советский период, однако уже примерно с 1923-1925 гг. актуальной стала и борьба с иными культами, в том числе

поддерживающих большевиков в их анитправославной атаке. [6, с. 1]. Целевая аудитория католиков, протестантов и иудеев в БССР была более мобильной и консолидированной. Точечная пропагандистская работа наталкивалась на круговую поруку. Связь с заграничными центрами была для них естественным состоянием. РПЦ же обладала огромной социальной базой и духовными центрами внутри страны. Работа на иностранные государства и связь с их спецслужбами не могла быть одобрена даже не в полной мере поддерживающими мероприятия большевиков гражданами. Истинные цели военной интервенции 1918-1922 гг., как и все последние 200-300 лет заключались в беспрепятственном доступе к ресурсам России. Предательство интересов Отчизны традиционно считалось особо сильным нравственным падением человека. Православные священнослужители, которые «получили опыт агентурной работы за границей» еще до революции и в публичных материалах, и в судебных и внесудебных постановлениях объявлялись «шпионами» и «диверсантами» [17, л. 7]. В годы гражданской войны и интервенции их деятельность преподносилась исключительно как «ожесточенных врагов Советской власти» [2, с. 25]. «Подрывная работа» клириков проводилась по всем направлениям. Во главе «черносотенных мракобесов» был поставлен патриарх Тихон и основное руководство Церкви. Работавший в 1921 г. в Карловцах церковный собор, на основании которого возникла Русская Православная Церковь за рубежом, объявлялся центром управления шпионской и диверсионной работы «попов» советской России. Осуждение Патриархом Тихоном решений Карловатского собора пропагандистами во внимание не принималось [18, с. 118-119, 122].

Самой актуальной в 1922-1927 гг. для антирелигиозников стала задача расчленение РПЦ на части и передачи управления лояльно настроенной группе духовенства. В первую очередь необходимо было максимально скомпрометировать патриарха Тихона, показав его как непримиримого монархиста в противовес сменовеховским приспособленцам обновленцам [19, с. 360-361, 395, 401]. После отречения в марте 1917 г. Николая II от престола избранный в декабре того же года после двухсотлетнего перерыва патриарх начал олицетворять духовного отца нации. В то время как его должны были символизировать лидеры большевиков – В.И. Ленин или Л.Д. Троцкий, а затем и И.В. Сталин. Патриарх воспринимался населением как заступник гонимой Церкви перед лицом безбожников. Ну и конечно же патриарх не мог ни как Первоиерарх, ни как православный человек со стороны наблюдать за проектом ликвидации РПЦ с промежуточным этапом в виде попов сменовеховцев. Совершенно не было интересно антирелигиозникам, что патриарх Тихон как пастырь и предстоятель Церкви пытался предотвратить братоубийственную войну назидательными словами в адрес творящих беззакония, а не стать на пути победы Красной Армии [20, с. 95, 149]. Содержащаяся в его послании во ВЦИК в годовщину революции анафема «безумствующим» стала на весь период советской власти главным идеологическим штампом о призыве главы РПЦ к борьбе с большевиками [21, л. 6-7]. Не пропорциональное применение силы по отношению к оппонентам было перефразировано в проклятие патриархом Советской власти. Связь священнослужителей с белым движением, иностранными интервентами отражала общее восприятие соответствующими слоями общества имевших место событий. На территории контролируемой большевиками клирик без серьезных негативных последствий не мог открыто демонстрировать свое отношение к происходящему. Прихожане в основном знали своих пастырей и уровень их «яростного сопротивления» светской власти. Однако пропаганда четко демонстрировала патриарха как «черносотенца», «заклятого контрреволюционера» в противовес «приспособленцам сменовеховцем» готовым ради своего самосохранения признать Советскую власть и не вести с ней открытой борьбы. Для верующих «прокрасный», не благодатный батюшка обновленец только усиливал доверие к консерваторам тихоновцам.

Следует отметить, что оказавшееся в изоляции единственное в мире социалистическое государство естественно было объектом пристального внимания иностранных спецслужб [22, с. 45-47]. Их главными задачами было дестабилизация социально-экономической ситуации в стране, а также получение информации о положении дел. С учетом недостаточного обеспечения БССР силовыми структурами и их в основном слабые профессиональные навыки, обеспе-

чить порядок и соблюдение социалистической законности в республике было крайне проблематично [23, л. 282]. Граница не представляла какого-либо серьезного препятствия для миграции населения в Польшу и обратно. Органами делались однозначные выводы о диверсионной и шпионской деятельности священнослужителей и около церковных деятелей. Насколько это соответствовало действительности еще возможно удастся исследовать, но советская пропаганда однозначно приклеила ярлыки с указанием точной специализации агентурной деятельности в зависимости от культа.

Получившим от Советской власти материальные блага гражданам необходимо было постоянно напоминать о том, что помещик, буржуа обязательно будет добиваться возвращения отнятой собственности, в том числе под знаком борьбы за свободу совести [24, л. 278-278 об.]. Между тем православный священнослужитель к началу 1930-х гг. стал самым гонимым и незащищенным по всем параметрам лицом с минимальными пропагандистскими возможностями. По мере усиления антирелигиозного фронта в начале 1920-х гг. властями применялись непропорционально жесткие репрессивные меры к клиру и религиозному активу. В конце десятилетия формы атеистической пропаганды становились нерационально вульгарными, что значительно снижало поддержку населением и всей внутренней политики и еще более усиливало реставрационные настроения [25, л. 209]. Имела место опасная тенденция. Неоправданно жесткая антирелигиозная деятельность стимулировала усиление реваншистов в начале 1920-х гг., ослабляла позиции большевиков, особенно в деревне в начале 1930-х гг. и вынуждала становиться скрытым противником нового политического режима во второй половине 1930-х гг. Выдвигаемые против духовенства обвинения в реставрационных ожиданиях выполняли мобилизующую функцию в первую очередь для сторонников правящего режима [4, с. 39]. Простому обывателю необходимы были и храм, и социально ответственная власть.

На самом деле, претензия на участие в государственном управлении являлась публичным действием и могла интерпретироваться как попытка «антинародной вылазки». Однако задача идеологического актива состояла в четкой маркировке граждан не только в зависимости от степени их поддержки проводимых преобразований, но потенциальному противодействию властям. В 1922 г. Уголовный кодекс сформулировал и дал юридическую оценку универсальному термину «контрреволюция»: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т.п. средствами» [26, с. 32].

Важным направлением пропаганды была ситуация в сельской местности. Население там слабо поддавалось советизации. Партийный и комсомольский актив был малочисленным. В то же время следует отметить, что влияние зажиточных крестьян, особенно из бывших крупных землевладельцев, было достаточно сильное и во второй половине 1920-х гг. Власти фиксировали желание «бывших» получения некоторых политических прав, в том числе через материальную и организационную поддержку церковных советов и священнослужителей [25, л. 209]. Объявив себя единственной народной и максимально отвечающей интересам трудящихся властью, большевики пресекали любую, даже теоретическую возможность претензии «бывших» на получение политической власти. Попытка избрания или выдвижения на любые должности не явных сторонников Советской власти преподносилась как бандитская «вылазка», в которой виновен получивший поддержку кандидат, а не небеспечившие достаточный уровень информационно-разъяснительной работы местные органы.

А «вылазки» имели место, в том числе избрание членов церковно-приходских советов депутатами и членами сельсоветов [27, л. 65]. В местах компактного проживания нацменьшинств, староверов, католиков и сектантов подобное являлось вполне логичным. Претензия «бывших» на власть рассматривалась как диверсионная деятельность и очередная угроза спокойствию и благосостоянию населения. С точки зрения большевистской партии и ОГПУ не пролетарского

происхождения депутат или руководитель являлись потенциальной угрозой для советского строя. Верующему же человеку воцерковленность представителя власти внушала доверие. На рубеже 1920-1930-х гг. ситуация в сельской местности крайне осложнилась. Священнослужитель становился удобным объектом для обвинения в сопротивлении коллективизации сельского хозяйства в силу уже не только своей «эксплуататорской сущности» и «паразитизма», но и как «противник прогрессивных форм хозяйствования» [3, с. 3-11]. Объявленная И.В. Сталиным война «реакционному духовенству» являлась составной частью процесса трансформации частной собственности в коллективную [6, с. 127]. «Год великого перелома» стал началом новых гонений на религиозные организации вылившийся в обвинение клира и верующих в сопротивлении незаконным действиям властей по закрытию и перепрофилированию богослужебных помещений, установлению для духовенства не соразмерных с доходами налогов и сборов [28, л. 2-3].

Фактический провал компрометации патриарха Тихона, митрополита Минского Мелхиседека, иных видных столпов Церкви, да и слабый отклик у населения на внутрицерковные распри различных направлений в православии и неконтролируемый рост сектантов в 1920-е гг. требовали от властей своевременных и дальнейших эффективных стратегических действий. Любые мероприятия государственного аппарата должны были восприниматься населением как закономерные, выверенные шаги по строительству коммунизма. Своя логика и целесообразность должна была быть и у церковной политики. Антирелигиозное совещание в ЦК ВКП (б) в декабре 1926 г. наработав более 500 страниц текстов выступлений, докладов, дебатов не сформулировало единого подхода ни в области отношений к культам, ни в области пропаганды. Но главным итогом была методологическая установка: «Мы ни одного слова не можем сказать об антирелигиозной пропаганде, не разоблачая классовую сущность религии» [29, л. 2]. Борьба с оппонентами выходила на качественно новый уровень. Необходимо было идеологическое обоснование коренных преобразований народно-хозяйственного комплекса. Формируемая модель государственного управления требовала единодушной поддержки решений партии и правительства. Модернизации подвергались и обвинения в адрес религиозных организаций. Состояние антирелигиозной пропаганды в 1927-1928 гг. однозначно характеризовалось как регрессивное и репрессивное. Потенциал религиозных организаций оставался колоссальным по сравнению с комсомолом и Союзом воинствующих безбожников (СВБ) [30, л. 2]. Репрессивный аппарат ещё не был готов к массированным силовым операциям. Органы Советской власти во многих случаях были дискредитированы уровнем компетентности, доверием населения, да и просто ненормальным отношением к гражданам. И.В. Сталин в условиях хлебозаготовительного кризиса и неопределённости пути развития народно-хозяйственного комплекса предпринимает успешную попытку поддержки своего курса во внутриполитической борьбе и стабилизации интересов различных групп населения. Пропагандой уже даже попытки отстоять право на исповедание веры в Бога расценивались прямым вызовом Советской власти. Во второй половине 1920-х гг. идеологическая работа подлежала ускоренной качественной модернизации. Врагом государственного строительства была обозначена связка «нэпман-поп-кулак». Борьба с религией обозначалась как «борьба за социализм» [31, с. 3]. Перед антирелигиозным аппаратом стояла задача преодоления массовой религиозности граждан. Важно отметить, что возможное противодействие зародившейся прослойки предпринимателей и торговцев, зажиточных крестьян реализуемым правительством мерам по форсированию развития народно-хозяйственного комплекса в СССР во второй половине 1920-х гг. – начале 1930-х гг. никак не могло напрямую тормозить распространение атеизма. Но антирелигиозники вынуждены были притянуть к «нэпману-кулаку» и «попа» как классового врага уже на практике [30, л. 1-2]. Подобная постановка вопроса значительно «упростила» антирелигиозную работу на местах, примитивизировала ее до уровня «развернутой энергичной контратаки» [5, с. 23]. Низовой, районный актив борьбу с религиозностью фактически мог свести к закрытию храмов, подсчету членов СВБ, подписке на антирелигиозные издания [28, л. 3].

Религиозные организации и духовенство становились в пропагандистских материалах классово чуждыми интересам трудящихся элементами уже в условиях фактически советского

общества. Данные структуры и персоны объявлялись агентами буржуазии, имеющими влияние на несознательные слои населения. С 1930 г. ситуация значительно изменилась. Религиозные организации были поставлены в крайне тяжелое положение. Результаты за десятилетие осуществления мероприятий по насаждению атеизма были весьма плачевны. Меры, выработанные НКВД, Центральным советом СБВ, и определенные в секретном письме ЦК партии от 14 февраля 1929 г., «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды» практически повторяли применяемые с 1919 г. [32, л. 1-2]. В разрезе выдвигаемых в рамках обострения классовой борьбы обвинений религиозность человека не соответствовала характеру предполагаемой вины преступников. Церковники со всеми иными «вредителями» становились в ряды «врагов народа» не потому, что были верующими, а потому что совместно «со всей мировой буржуазией» имели целью свержение Советской власти, являясь частью «единственной легально действующей контрреволюционной организации» [33, л. 224-225]. В дальнейшем превалировало мнение, что бороться необходимо только с проявляющимися религиозными действиями. Такой подход приведет к свертыванию атеистического воспитания, к сведению его к сугубо административным мерам [34, л. 76-77]. Иные формы работы антирелигиозного аппарата по распространению атеистического мировоззрения на волне массового интереса к религии в 1931-1933 гг. были заранее проигранными.

Подобная ситуация отрицательно сказывалась на организации атеистического воспитания населения. Высшее партийное, комсомольское руководство и вожди СБВ пытались, в том числе публично, обвинить иную сторону в недоработках. Между тем вместо системного анализа проблемы уже с начала 1930-х гг. религиозные деятели и церковь были зачислены в ряды штатных обвиняемых из-за любых осуществленных или предполагаемых религиозных действий [3, с. 3-4]. Пропаганда указывала, что у каждой неудачи, недоработки, халатности и даже при форс-мажорных обстоятельствах есть виновные, а они в деле организации процесса атеистического воспитания, безусловно, являлись ответственными работниками. Л.Б. Каменев, Л.П. Берия, И.В. Сталин указывали, что у каждой случайности есть своя фамилия имя отчество. Но фактически все следующее десятилетие духовенство, церковно-приходские советы, активные верующие, да и просто верующие будут включены в перечень прямых непосредственных вредителей социалистическому строительству из-за того, что их не смогли перевоспитать государственные мужи.

В 1930-е г. «польские шпионы», «клерикальные гнезда» будут классифицироваться единым термином «враг народа» [30, л. 2]. Церковники станут «сообщниками» «иудушки-Троцкого», «двурушника Бухарина» и т.д. Их «преступная» деятельность будет признана более профессиональной, что и выльется в судебных и вне судебных процессах. Только в 1937-1938 гг. в БССР было арестовано 3247 «церковников и сектантов» [34, л. 56-57]. Оценка эффективности пропаганды антинародной, шпионской и диверсионной деятельности клира и около церковных кругов скорее всего может совпадать с общим восприятием гражданами теории обострения классовой борьбы по мере продвижения строительства социализма. Другой вопрос, что принадлежность к тому или иному культу делала верующего преступником, фашистом, террористом. Человек в борьбе за сохранение своей жизни отходил от религиозной организации не в силу своего уже атеистического мировоззрения, а в силу возникновения непреодолимых обстоятельств. Главный пропагандистский результат данного комплекса обвинений заключался в необходимости гражданам избегать контактов с религиозными организациями и деятелями. Во второй половине 1930-х гг. шпионаж становится самым распространенным оперативным пропагандистским штампом по отношению ко всему духовенству и церковно-приходскому активу. Подобные обвинения, как и звучащие во многих судебных приговорах формулировки, применялись антирелигиозной пропагандой вплоть до лета 1941 г. и стали хрестоматийными. В стране нужна была консолидация общества любой ценой [35, с. 1]. Портрет врага должен был увидеть каждый советский гражданин и максимально дистанцироваться от такого человека: «Церковь объединяет врагов социалистического строительства и посему является нашим классовым врагом» [36, л. 81]. Эта фраза директора гомельской семилетней школы С. Ная отражает всю суть содержания антирелигиоз-

ной пропаганды 1930-х гг. – 1941 г. Фактически свёрнутое в 1931-1934-х гг. атеистическое воспитание, противоречило громким заявлениям ЦС СВБ и решениям XXVII Всесоюзной конференции ВКП(б) 1932 г., провозгласившей переход на качественно новый уровень государственного строительства [37, с. 40]. Антирелигиозная пропаганда принимает на вооружение с сер. 1930-х гг. максимально конкретизированные формулировки по отношению к культам, действиям клириков и членов церковно-приходских советов – «вредительство», «двурушничество», «троцкизм», «монархизм», «фашизм» и т.д. [34, л. 62].

Особо циничными были нападки на клир и актив церковно-приходских советов за возмущение незаконным закрытием храмов и установлением ничем не обоснованных сумм налогов [28, л. 1-2]. Сам процесс ликвидации богослужебных помещений проходил в условия практически полного отсутствия идеологического сопровождения при тотальном нарушении советского законодательства о культах. Незаконность закрытия более чем 70 % храмов, вызывала возмущение населения, отвлекала от социалистического строительства, порождала незаконную религиозную деятельность, в том числе оккультномистическую [38, с. 15]. В НКВД БССР понимали, что тенденцию необходимо было переломить, однако и ликвидация храмов являлась задачей государственной. Иного обоснования подобного содержания безбожной работы кроме как «вредительство» антирелигиозный аппарат не мог предложить.

Серьёзной проблемой для антирелигиозников стала и сталинская Конституция [7, с. 181-185]. Вождь отверг предложение запретить исполнение религиозных обрядов и вернул права «бывшим». И.В. Сталин указал агитпропотделам на необходимость лучше работать и бороться с религией «терпеливо и настойчиво» [39, л. 8]. Это популистское выступление стало началом волны прошений об открытии храмов и регистрации священников, что в свою очередь привело к формулировке подобных действий верующих как «искажение Сталинской Конституции» и «извращение широчайшей Советской демократии» [40, л. 396-397]. Укрепившийся к 1937 г. идеологический аппарат указывал, что возможность исповедания религии полностью удовлетворяет потребности реализации права свободы совести «отсталой частью советского общества» [39, л. 5]. Серьёзнейшую разъяснительную работу предстояло проводить против распространявшихся разговоров о том, что партия примирилась с религией, а значит религия не является вредным для социалистического строительства делом [39, л. 4-6]. Необходимо было чётко указать, что любые примиренческие позиции, невыполнение партийных решений 1937-1938-хх гг. по борьбе с религией являются вредительством и ждут соответствующей реакции пропагандистов [41, л. 45-49]. Новая волна обращений об открытии незаконно закрытых храмов после относительного ослабления репрессивных действий к православному клиру с 1939 г. и воссоединения Беларуси не изменила классификации верующих как неблагонадёжных граждан «пьющих воду на жернова контрреволюции» [42, л. 1-2, 78].

Выводы и заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что обвинения в адрес религии и церкви в противодействии построению социалистического государства были характерны для всего периода с 1917 г. по 1941 г. Советская власть, как и любая другая власть должна была обеспечивать суверенитет и целостность государства. Растянувшаяся «временная мобилизация» внутри и противостояние с внешними врагами требовали принятия чрезвычайных мер. Решаемая большевиками задача по выживанию трактовалась как этап по строительству идеального социалистического общества. Для достижения результата в ходе эволюционного исторического развития вождями революции допускалась возможность ликвидации тормозящих данный процесс сил. К таким силам были причислены религиозные организации, духовенство и верующие в Бога люди. Выдвижение лозунгов о неизбежной «контрреволюционности» духовенства, враждебности Советской власти церковно-приходского актива и активных верующих, их шпионской и террористической деятельности вызывали подрыв доверия населения к

государству. Властями любое инакомыслие считалось потенциальной угрозой режиму. Мощное индустриальное советское государство было построено людьми в большинстве своем воспринимавшими материализм как нечто инородное. Предлагаемая в программных документах и действиях партии большевиков попытка построения идеального, основанного на равенстве и свободе общества трансформировалась в задачу обеспечения функционирования сильной и эффективной системы управления экономической, политической и общественной сферами. Идеологическому аппарату в конце 1930-х г. предстояло предложить вертикали и активу действенные методы насаждения атеистического мировоззрения в рамках формирования советского человека. Демонизация исторической памяти, традиционных ценностей и их носителей в условиях надвигавшихся внешних угроз в прежних объемах не могла быть использована без серьезных негативных последствий. Рынок в советской экономике был осуществлен административным способом при мощном информационно-пропагандистском сопровождении. Представленные для решения народно-хозяйственным комплексом задачи были понятны гражданам, злободневны и для личной, и для национальной безопасности. Задачи в области антирелигиозной работы противоречили мировоззрению большинства населения, представляли для верующего человека угрозу. Насаждение тезиса, о вредности религии и церкви в деле обеспечения добровольного отказа от принятия веры в Бога как уверенности, доверия, верности Всевышнему оказалось неэффективным.

Библиография

1. Бухарин Н. Азбука коммунизма : популярное объяснение программы Рос. коммунист. партии большевиков. Самара : Изд-во Самарского губкома Р.К.П., 1920. 284 с.
2. Кандидов Б.П. Церковь и шпионаж: О некоторых фактах контррев. и шпион. деятельности религ. орг-ций. Москва: Воениздат, 1940. 32 с.
3. Лукачевский А. Безбожники строите колхозы. Москва: Безбожник, 1930. 14 с.
4. Ярославский Ем. Коммунизм и религия. Москва: Гаиз, 1936. 40 с.
5. Сборник материалов для организации безбожной работы на предприятиях и в деревне. Союз безбожников. Москва: Изд-во Безбожник у станка. 1929 г. 72 с.
6. Слезин А.А. Антирелигиозное наступление советского государства в 1927 -1929 гг. // Социодинамика. 2013. № 5. С. 125-189. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477>
7. Калинина А.С. Христианские конфессии Советской Белоруссии в 1929–1939 гг.: активные и пассивные формы сопротивления // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. №3/4. С. 181–202.
8. Янушевич И.И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2022. № 63. С. 82–87.
9. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Столетие Российской революции 1917 года в фокусе антиросийской исторической пропаганды //Вестник РУДН. История России. 2017. № 2. С. 303-322. [https:// DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-303-322](https://doi.org/10.22363/2312-8674-2017-16-2-303-322)
10. Хрисанфов В.И. Российский «исход»: мифы и реальность. Историографическое исследование о численности «первой волны» российской эмиграции. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. 194 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
12. XX-летие отделения церкви от государства : Сборник. Москва: Гаиз, 1938. 96 с.
13. Карташев А. Церковь и государство. Что было и что должно быть в России. Paris : YMCA PRESS, 1932. 19 с.
14. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 451. Оп. 20. Д. 313.

15. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 232 Л.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5263. Оп. 1. Д. 32.
17. ГАГОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 489.
18. Следственное дело патриарха Тихона: сб. документов по материалам Центр. арх. ФСБ РФ / Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т ; [сост. В. В. Виноградов и др. ; авт. предисл. протоиерей Владимир Воробьев и др.]. Москва: Памятники ист. мысли, 2000. 1015 с.
19. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. : в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Новосибирск : Сиб. хронограф ; Москва: Росспэн, 1997. Кн. 2. 647 с.
20. Губонин М.Е. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. : Сб. в 2 ч. / Сост. М.Е. Губонин. Москва: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1994. 1067 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 120. Л. 6-7.
22. Мозохин О.Б. ВЧК – ОГПУ – НКВД на защите экономической безопасности государства: историографический обзор // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 44–69. doi: 10.21685/2072-3024-2023-3-4 С.45-47.
23. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 177.
24. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1 Д. 3034.
25. ГАООГО. Ф. 9. Оп. 19. Д. 418.
26. Уголовный кодекс РСФСР : Утв. ВЦИК 24 мая 1922 г. : С предисл. и алф.-постатейным указателем. М.: Аврора, 1922. 37 с.
27. ГАГОО 3. 1. 714.
28. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 791.
30. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.
31. Олещук, Ф. Н. Борьба с религией - борьба за социализм. Москва: Изд-во ВЦСПС, 1931. 64 с.
32. ГАРФ. Ф. 5263. Оп. 2. Д. 7.
33. ГАРФ. Ф. А393. Оп. 2. Д. 1782.
34. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
35. Сталин И.В. О задачах хозяйственников // Правда. № 35. 5 февраля 1931 г.
36. ГАГО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 22.
37. Янушевич И. И. Попытки формулирования единых методических указаний по организации антирелигиозной пропаганды в советском государстве (1917–1941 гг.) // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2026. № 1. С. 36–41.
38. Янушевич И. И. Особенности организации антирелигиозной пропаганды в БССР (1936–1941 гг.) // Вестн. Гродн. гос. ун-та им. Я. Купалы. Сер. 1, История и археология. Филология. Политология. 2015. № 3. С. 13–18.
39. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1 13 897.
40. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11834.
41. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13897.
42. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 80.